

ставить себе ход мыслей редактора ПВЛ, который в начале XII в. приурочил «Сказание о преложении книг» к этой дате. Прежде всего возникает вопрос, что знал этот редактор о реальной хронологии истории Кирилла и Мефодия или что он мог знать о ней в начале XII в. При благоприятных обстоятельствах редактор ПВЛ мог составить достаточно точную хронологическую картину на основе житий Константина и Мефодия, опираясь на упоминания о папах или князе Сватоплуке. Однако у нас нет безусловной уверенности ни в том, что он располагал полным текстом этих житий, ни в том, что у него под рукой были необходимые источники, содержащие сведения по истории пап и государей средней Европы. Специалисты, кроме того, не раз указывали на особенности византийского летоисчисления (от сотворения мира).

Мне кажется, что ключ к объяснению даты 898 дает сам текст «Сказания о преложении книг» и чешские аналогии. В ПВЛ и современной ей Хронике Козьмы завершается эволюция от неисторической легенды и жития к хронике, анналистике. Эта эволюция не была механической: проникновение анналистической основы в летопись, хронику отражалось и на более ранних легендах. Эти ранние легенды дополнительно датировались, т. е. удачно или неудачно включались в общую хронологическую сетку. Современный историк делает то же самое, пытаясь на основе одних событий датировать другие. Различие здесь в точности хронологической сетки, создаваемой современным историком, и в грубости догадок, к которым прибегал средневековый летописец, чтобы включить легендарный материал в хронологические рамки.

Положение редактора ПВЛ было сходно с положением Козьмы: оба они в картине национальной истории искали место для Кирилло-Мефодиевской легенды. И, как кажется, эта задача решалась обоими сходно, во всяком случае результаты почти совпадают. При изучении Хроники Козьмы мы оказываемся в более выгодном положении, ибо достаточно хорошо знаем его исходную позицию — источники по истории Кирилла и Мефодия. Их называет сам Козьма: «Epilogus Moraviae et Bohemiae» (Кристиан) и «Privilegium moraviensis ecclesiae». К «Privilegium» мы еще вернемся, в данном же случае нам вполне достаточно материала Кристиана. В его труде было немало сведений о Кирилле и Мефодии, но Козьма использовал из них только одно сообщение: «Гостивит породил Борживоя, который первым из князей был крещен — достопочтенным Мефодием, епископом Моравии, во времена императора Арнульфа и короля Моравского Сватоплука».³¹

Эта фраза несчетное число раз анализировалась исторической критикой. Ясно, что Козьма взял у Кристиана голый факт крещения Борживоя, в то время как историческую рамку — указание на императора Арнульфа и подчиненность чешского князя Моравии — извлек из хроники Регинона. Эта «исторификация» легендарного сообщения Кристиана с помощью хроники Регинона — классический пример того, как легенда включается в историю.

Однако крещение Борживоя нужно было еще датировать. Эту дату находим у Козьмы пятью главами далее. «Лета от рождества Христова 894-го. Был крещен Борживой, первый князь святой католической веры. В том же году Сватоплук».³² Это вообще первая дата в Хронике Козьмы:

³¹ Gostivit autem genuit Borivoy, qui primus dux baptizatus est a venerabili Metudio episcopo in Moravia sub temporibus Arnolfi imperatoris et Zuatopluk eiusdem Moraviae regis (I, 10).

³² Anno dominice incarnationis DCCCLXXXIV. Borivoy baptizatus est primus dux sancte fidei catholicus. Eodem anno Zuatopluk (I, 14).